УДК 821.161.1, 82-4
DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.4
Научная статья

Л. П. Квашина[1]
✉ l.kvashina@donnu.ru
[1]Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная Республика

«Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского: поэтика и политика

Аннотация: В статье критически анализируется распространенное представление о Пушкинской речи Ф. М. Достоевского как о публицистическом тексте. Выделяются ключевые понятия («русский скиталец» – «почва» – «всемирная отзывчивость»), которые, с одной стороны, укладываются в четкую логическую триаду (тезис – антитезис – синтез), а с другой – обнаруживают смысловую многоплановость и даже противоречивость, что расшатывает идеологическую ясность и однозначность. С другой стороны, отмечается значимость личностно-биографического плана речи Достоевского, а также важнейшая установка на «образную реализацию», стремление к действенному преобразованию жизни в свете ее идеального смысла, в чем наглядно проявляется эстетическая природа произведения. Сопряжение идеологического и эстетического раздвигает классические границы и полномочия литературы и способно вызвать противоречивые оценки.

Ключевые слова: Достоевский, Пушкин, Пушкинская речь, публицистика, эстетическая природа текста.

Дата поступления статьи: 17 июня 2022 г.

Для цитирования: Квашина Л. П. (2022) «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского: поэтика и политика. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 4, с. 33–39. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.4.

Scientific article

L. P. Kvashina[1]
✉ l.kvashina@donnu.ru
[1]Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic

"Pushkin's Speech" by F. M. Dostoevsky: poetics and politics

Abstract: The article is critically analyzes the widespread idea of "Pushkin's speech" by F.M. Dostoevsky as a publicistic text. The following key concepts are singled out ("Russian wanderer" – "soil" – "worldwide responsiveness"), on the one hand, they fit into a clear logical triad (thesis – antithesis – synthesis), and on the other hand, reveal semantic diversity and even inconsistency, which destabilizes ideological clarity and unambiguity. The other side of this is that the importance of the personal-biographical plan of Dostoevsky's speech is noted, as well as the most important setting for "figurative realization", the desire for forceful transformation of life in the light of its ideal meaning, in which the aesthetic nature of the text is clearly shown. The integration of the ideology and aesthetics expands the classical boundaries and privileges of literature and is capable of causing conflicting opinions.

Keywords: Dostoevsky, Pushkin, "Pushkin's speech", publicism, aesthetic nature of the text.

Paper submitted: June 17, 2022.

For citation: Kvashina L. P. (2022) "Pushkin's Speech" by F. M. Dostoevsky: poetics and politics. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 4, pp. 33–39. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2022.16.4.4.

Введение

«Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 149), – так

© Л. П. Квашина, 2022

Ф. М. Достоевский заканчивает свою знаменитую речь, которую он произнес во время Пушкинских торжеств 8 июня 1880 года. Невероятный общественный резонанс, вызванный этой речью, и продолжающиеся до сегодняшнего дня дискуссии дают основания отнести слова о «некоторой великой тайне» не только к Пушкину, но и к самому Достоевскому. Что же такого загадочного таит в себе «Пушкинская речь»? Первое, на что указывают все исследователи творчества Достоевского и что поразило уже современников, – это быстрая и контрастная смена настроений и оценки.

Выступление Достоевского в Дворянском собрании вызвало получасовую овацию и оказало почти магическое воздействие на публику. Потрясенный Достоевский в тот же вечер так описал свой триумф в письме к жене: «...зала была как в истерике, когда я закончил, – я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить. Порядок заседания нарушился: все ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты – все это обнимало, целовало меня» (Достоевский, 1988, т. 30, кн. 1, с. 184–185). Многочисленные свидетельства современников дополняют эту картину выразительными деталями: «Зала точно замерла <...>. Вдруг из задних рядов раздался истерический крик: «Вы разгадали!» – подхваченный несколькими женскими голосами на хорах. Вся зала встрепенулась. Послышались крики: “Разгадали! Разгадали!”, гром рукоплесканий, какой-то гул, топот, какие-то женские взвизги. Думаю, никогда стены московского Дворянского собрания ни до, ни после не оглашались такою бурею восторга. Кричали и хлопали буквально все – и в зале, и на эстраде. Аксаков бросился обнимать Достоевского, Тургенев, спотыкаясь, как медведь, шел прямо к Достоевскому с раскрытыми объятьями. Какой-то истерический молодой человек, расталкивая всех, бросился к эстраде с болезненными криками: “Достоевский, Достоевский!” – вдруг упал навзничь в обмороке» (Любимов, 1990, с. 418–419)[1]. – «Календарь рухнул. Часы остановились. География и политэкономия растворились. Осталось только Слово. Творящее и преображающее», – так резюмируют апокалиптическим переживания публики современные исследователи (Фокин, Петрова, 2020, с. 180). Причем секрет потрясающего воздействия, как утверждают очевидцы, заключался вовсе не в театральных приемах или в особом ораторском мастерстве. Присутствовавший на чтении Г. И. Успенский в «Письме из Москвы» описал манеру чтения Достоевского как абсолютно безыскусную: «Просто и внятно, без малейших отступлений и ненужных украшений он сказал публике, что думает о Пушкине...» (Успенский, 1953, с. 422). Главную же причину необыкновенного успеха этой речи, находясь еще под живым впечатлением от этого события, Г. И. Успенский определил так: Достоевский «нашел возможным <...> привести Пушкина в этот зал и устами его объяснить обществу, собравшемуся здесь, кое-что в теперешнем его положении, в теперешней заботе, в теперешней тоске. До Ф. М. Достоевского этого никто не делал» (Успенский, 1990, с. 398). Вот, казалось бы, и разгадка: великий писатель построил свою речь вокруг актуальных проблем переживаемого исторического момента: раскол общества, непримиримое противостояние либерально-западного и консервативно-славянофильского лагерей. Узел нерешенных вопросов создавал колоссальное социальное напряжение, а намеченная перспектива воссоединения для «будущей прекрасной цели» и выхода из тупика воспринимались как откровение.

Но если Достоевский действительно нечто «разгадал», ответил на ожидания публики, тогда почему бурный восторг буквально «на другой день» сменился непримиримым отрицанием и осуждением. Критики старались как можно больнее задеть великого писателя, противопоставляя его талант беллетриста бездарности как публициста и т. п. Г. И. Успенский издевательски перелицевал выявленное Достоевским «стремление русского духа» ко «всемирности» во «всезаячье свойство». Такой парадокс объясняют прежде всего идеологическим противостоянием, накалом общественной ситуации, и это обстоятельство трудно оспорить. Но, возможно, причина не только в этом: она «таится» в природе самого текста, который впоследствии Достоевский включил в «Дневник писателя» за 1880 год под названием «Пушкин», дав ему жанровое определение «очерк»?

Методы

Опыт показывает, что свойственный как его современным критикам, так и последующей научно-исследовательской традиции акцент исключительно на политических и нравственных

аспектах речи Достоевского приводит к «усечению смысла» и к тому, что речь утрачивает внутреннюю цельность. Вот, к примеру, заключение, к которому приходит Л. Мюллер, опираясь как раз на «мировоззренческий» подход: «В речи соединены “две совершенно разные темы”. Одна тема – это сам Пушкин, другая – сущность и назначение России, причем вторая была более важной» (Мюллер, 2000, с. 277). Кстати сказать, акцентуация очень важного литературно-эстетического плана речи, но преимущественно в идеологическом ключе (См. Фридлендер, 1981), тоже не позволяет объять своеобразие ее многогранного смысла. Более плодотворным нам представляется исследовательский опыт, в котором «Пушкинская речь» рассматривается не как идеологический документ, а как особый культурный феномен. Так, В. А. Викторович, рассматривая речь Достоевского как ключевое событие русской культуры, выявляет в ней особую «диалектику художественной мысли» (Викторович, 2021). А в работах Е. А. Акелькиной анализ художественно-философской природы авторского сознания речи Достоевского позволяет увидеть в ней предвосхищение сущностных особенностей прозы XX в. (Акелькина, 2001; Щенников, Акелькина, 2008). Так в какой же ипостаси выступает в данном случае Ф. М. Достоевский: идеолога или художника? И как согласуются между собой эти два плана в речи о Пушкине?

Результаты

Композиционно речь строится вокруг трех периодов, которые выделяет Достоевский в «деятельности» Пушкина. Ключевым образом первого периода выступает герой поэмы «Цыганы» Алеко; выразителем второго – героиня романа «Евгений Онегин» Татьяна; к третьему периоду относится, по словам Достоевского, «тот разряд его ‘‘Пушкина’’ произведений, в которых преимущественно засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении», – это «Маленькие трагедии», «Сцены из рыцарских времен» и др. (Достоевский, 1984, т. 26, с. 145).

Достоевский изначально заявляет, что целью его не является литературно-критический анализ творчества Пушкина: «говорю теперь не как литературный критик». «Но не в поэзии лишь одной дело, не в художественном лишь творчестве!» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 145) – настойчиво повторяет эту мысль писатель. И действительно, собственно эстетическая оценка подразумевается, но присутствует как бы на полях, в фигурах умолчания: «Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красоте и глубине этих строф» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 141). Кроме того, периодизацию пушкинского творчества Достоевский строит не по принципу поступательной хронологии. Для сравнения, И. Киреевский, который в своих статьях о Пушкине первый ввел троичную систематику, использовал именно хронологический принцип. В логике же Достоевского, «некоторые из произведений третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности поэта», ибо, и это для него принципиально важно, «Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 145). Речь, по-видимому, в данном случае идет о не столько о Пушкине, сколько о «системе» самого Ф. М. Достоевского.

Идеологическая «заряженность» текста дает основание утверждать, что Пушкинская речь – это идейная программа Достоевского. Он глубоко погружен в актуальные общественно-политические обстоятельства, не забывает направлять стрелы в адрес своих противников-либералов: «Много-много что полиберальничают ‘‘с оттенком европейского социализма’’, но которому придан некоторый благодушный русский характер...» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 138), – и с очевидностью представляет идейные установки ее автора.

Литературная полемика также имеет идейный накал. Так, обоснование статуса Пушкина как явления «почти даже чудесного, неслыханного и невиданного до него нигде и ни у кого», возвышающегося над «Шекспирами, Сервантесами, Шиллерами» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 145), строится в противопоставлении тургеневской речи, который, по мнению Достоевского, «унизил Пушкина, отняв у него название национального поэта» (Достоевский, 1988, кн. 1, с. 182), а значит, и поэта мирового масштаба.

Каждый из выделенных периодов выстраивается вокруг концептуально значимого понятия. В первом это «русский скиталец»: Пушкин, говорит Достоевский, «отыскал и гениально отметил того несчастного скитальца в русской земле, <...> столь исторически необходимо явившегося в оторванном от народа обществе нашем», это «отвлеченный человек», «скиталец до наших дней и в наши дни» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 137, 143). Во втором периоде главная героиня Татьяна ассоциируется с «почвой» – это тип, «стоящий твердо на своей почве», что служит «свидетельством мощного духа народной жизни» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 144). И, наконец, ключевое понятие третьего периода – «всемирная отзывчивость», свойство, в котором «и выразилась наиболее <...> народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем». Таким образом, пушкинские образы, в трактовке Достоевского, с очевидностью выходят за рамки литературные, пушкинский «целокупный организм» является воплощением некоего великого пророчества мирового масштаба.

Конститутивная цепочка «скиталец» – «почва» – «всемирная отзывчивость» укладывается в логику триады: «тезис – антитезис – синтез». Казалось бы, чем не четко выверенная основа модели идейного примирения? Однако внимательный читатель сталкивается здесь с очевидными затруднениями: смысловой многоплановостью и явными противоречиями. Понятно, что для текста, задача которого манифестировать публицистическую идею, это прямо противопоказано: автора могут обвинить в непрофессионализме или, к примеру, в неискренности (что, кстати, и произошло в реальности). И. С. Тургенев, идейный противник Достоевского, который присутствовал на чтении и поддался его магии, вскоре свое отношение переосмыслил и назвал речь «хитроискусной».

Обратим внимание на некоторые противоречивые моменты. Отыскивая изначальную причину духовного раскола русского общества, который и привел к формированию «оторванного от народа, от народной силы интеллигентного общества», Достоевский указывает на «великую петровскую реформу» – именно здесь корень последующих бед. Но в последней части оценка деятельности Петра радикально переосмысливается: теперь она трактуется не меньше как проявление заданной внутренней потенции русского духа: «<...> Петр несомненно повиновался некоторому затаенному чутью, которое влекло его, в его деле, к целям будущим, несомненно огромнейшим <...>. Ведь мы разом устремились тогда к самому жизненному воссоединению, к единению всечеловеческому!» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 147).

Подвижным оказывается и ценностное наполнение таких концептуально важных понятий, как «всемирное счастие», «мировые стремления», «мировая гармония». Так, ревностная устремленность «несчастного мечтателя» Алеко к «счастью не только для себя самого, но и всемирного» оттенена авторской иронией: «Ибо русскому скитальцу необходимо именно всемирное счастие, чтоб успокоиться: дешевле он не примирится (Достоевский, 1984, т. 26, с. 137). Но в финале «мировые стремления» трактуются как проявление энтелехии русского духа, как миссия русского народа. Думается, что документ программно-идеологический требует большей четкости и однозначности. К речи Достоевского же вполне можно применить пушкинскую характеристику: «противуречий очень много, но их исправить не хочу». На самом деле перед нами сложно организованный текст, который соединяет в самой своей природе разные начала.

Отметим еще один важный, на наш взгляд, момент. Стиль речи можно охарактеризовать как подчеркнуто личностный. Обилие обращений, риторических вопросов, эмоциональных восклицаний («говорю теперь», «позвольте, представьте...», «надобно же понимать...») нацеливает на персональный контакт с аудиторией. «Позвольте, представьте, что вы сами возводите здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой. И вот представьте себе тоже, что для этого необходимо и неминуемо надо замучить всего только лишь одно человеческое существо...» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 142), – этот пассаж из «Пушкинской речи» о несостоявшемся счастье Татьяны и Онегина обнаруживает прямое смысловое сходство со словами Ивана о «слезинке ребенка», обращенными к Алеше в романе «Братья Карамазовы» (глава «Бунт»): «...представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице...» (Достоевский,

1975, с 223–224). Пятая книга романа «Братья Карамазовы» была напечатана годом раньше – в мае-июне 1879 года. Эта же интимная мысль о «слезинке ребенка» звучит в записи из его «рабочей тетради» 1876 года «Людовик 17-й» (Достоевский, 1982, т. 24, с. 137)[2].

При том, что личностно-биографический план принципиально важен в «Пушкинской речи», ее нельзя назвать монологичной: ощутимо присутствие других голосов, высказывание Достоевского выстраивается на пересечении разных интенций, что внутренне органично поэтике его прозы.

Стоит учитывать, что во время Пушкинских торжеств к Достоевскому, автору публикуемого в то время романа «Братья Карамазовы», было приковано особое внимание: «Когда я вышел, – описывал он жене свое выступление, – зала загремела рукоплесканиями, и мне долго, очень долго не давали читать <…> восторг, энтузиазм (все от “Карамазовых”!)» (Достоевский, т. 30, кн. 1, с. 184). Но при этом в ситуации всеобщего внимания, когда почитатели ловят каждое его слово, обращает на себя внимание тот факт, что свою речь Достоевский начинает с цитаты: ‘‘Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа’’, – сказал Гоголь. Прибавлю от себя: и пророческое» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 184). Свой заповедный тезис о «пророческом характере явления Пушкина» Достоевский «прикрепляет» к гоголевской формуле, уступая тем самым ему пальму первенства. «Гоголевский текст» (размышления о Пушкине как о «русском человеке в его развитии») присутствует и в финале: «нигде ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 184).

Главный призыв «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость», который нередко прочитывается как прямое обращение Достоевского, в тексте «закавычен», представляя не только личную позицию, но и общую нравственную сентенцию – «решение вопроса по народной вере и правде». И представляется важным, что Достоевский-автор этот призыв не просто декларирует, но и реализует на собственном примере. Он жестко критикует «русского скитальца» как «беспокойного мечтателя», называя его «оторванной, носящейся по воздуху былинкой», но в этой непримиримости сквозит его личная боль и горечь. «Автобиографические ноты» образа Алеко отчетливо проявляются в предварительных, конспективных набросках к речи. В них Алеко «безоговорочно связывается с петрашевцами, то есть с самим молодым Достоевским» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 454), его увлечениями социалистическими идеями. Это опыт его собственных преодоленных противоречий и заблуждений. И Достоевский на собственном опыте как бы воплощает провозглашенный призыв («Смирись, гордый человек»), «смиряя» свою авторскую натуру. Его определяющий посыл – призыв к поиску «правды внутри себя»: «Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя и себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоем собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 139). Истина открывается только в «собственном труде над собой». И выделенные три периода оказываются не просто этапами пушкинской «деятельности», но предстают как путь личностного духовного становления: от скитальчества и гордости («уход») – через смирение и жертвенность («испытание») – к примирению и единению («возвращение»). Это путь, который прошел сам Достоевский, в эту внутреннюю работу он стремится вовлечь каждого. Стоит признать, что в этой триаде проступает архетипическая модель, которая лежит в основе художественного повествования.

Для Достоевского-художника важно не провозгласить идею, а воплотить ее. Полноту мысли он воспринимает по-пушкински: «не как одно только указание, учение или теорию, не как мечтание или пророчество», но как «исполнение» ее «на деле» (Достоевский, 1984, т. 26, с. 450). Его внутренняя установка как писателя – «дать не отвлеченное, а образно реальное, возможное». Именно «образно реальное» обладает, по Достоевскому, весомой «неоспоримостью», что несовместимо с непротиворечивой линейностью и однозначностью. Его размышления о судьбе и предназначении России, русского народа организуют также законы поэтические[3]. С учетом этого экстатическое восприятие слушателями речи Достоевского можно объяснить не только ее актуальностью,

но и катарсическим эффектом, который заложен в эстетической природе этого текста, а последовавшее вскоре не менее бурное разочарование – идеологическими критериями ее оценки.

Выводы

Речь Достоевского окончательно утвердила место Пушкина в пантеоне русских классиков как великого национального поэта, но при этом ее пафос – действенное преображение обыденной жизни в свете ее идеального смысла, претворение идеала в мировую поведенческую норму – раздвигал классические границы и полномочия литературы, представительствуя, по сути, постклассическое соотношение искусства и действительности.

Примечания

[1]Внимательное изучение и коррекция источников, касающихся заседания Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г., на котором была произнесена «Пушкинская речь» Достоевского, а также анализ полемики в прижизненной критике содержится в работах В. А. Викторовича (См.: Викторович, 2019, 2020).

[2]Внутренняя глубинная связь и взаимовлияние речи Достоевского о Пушкине и романа «Братья Карамазовы» с опорой на евангельский текст глубоко исследована Ф. Б. Тарасововым в статье «Речь о Пушкине Ф. М. Достоевского. Между тройкой и колесницей» (См. Тарасов, 2001).

[3]И. Л. Волгин указывает на «скрытую художественную природу» «Пушкинской речи». В книге «Последний год Достоевского: исторические записки» он пишет: «Все компоненты Пушкинской речи могут быть рассмотрены как связанные друг с другом элементы единой образной структуры, где такие понятия, как ‘‘Пушкин’’, ‘‘Татьяна’’, ‘‘русский народ’’, ‘‘скиталец’’, ‘‘всечеловек’’ и так далее, имеют не только прямую, непосредственно-публицистическую функцию, но и обладают ещё дополнительным художественным смыслом. Эта ‘‘дополнительность’’ и создала предпосылки для многоаспектного, плюралистического восприятия Речи, её выхода за пределы сиюминутной ‘‘практической’’ полемики — в иную историческую глубину» (Волгин, 2010, с. 338).

Источники

Акелькина Е. А. (2001) Художественно-философская природа авторского сознания в речи о Пушкине Ф. М. Достоевского – основа общекультурного синтеза. Славянские чтения. Вып. 7–8: России и Пушкину посвящается: материалы науч.-практ. конф. Омск, с. 12–15.
Викторович В. А. (2019) Загадка Пушкинской речи. В кн.: Достоевский, писатель, заглянувший в бездну. М., Rosebud publishing, с. 333–365.
Викторович В. А. (2020). «Пушкинская речь» Достоевского в свидетельствах современников. Неизвестный Достоевский, № 4, с. 48–69.
Викторович В. А. (2021) Диалектика художественной мысли (Пушкинские речи Ф. М. Достоевского и А. А. Блока). В кн.: Философские формы в культуре. Омск, Изд-во ОмГА, с. 101–112.
Волгин И. Л. (1980) Завещание Достоевского. Вопросы литературы, № 6, с. 154–196.
Волгин И. (2010) Последний год Достоевского: исторические записки. 4-е изд., испр. и доп., М., АСТ: Зебра Е, 736 с.
Достоевский Ф. М. (1975) Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 14. Братья Карамазовы: Роман в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10. Л. Наука. Ленинградское отделение, 510 с.
Достоевский Ф. М. (1982) Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь. Л. Наука. Ленинградское отделение, 518 с.
Достоевский Ф. М. (1984) Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 26. Дневник писателя, 1877, сентябрь-декабрь – 1880, август. Л. Наука. Ленинградское отделение, 518 с.
Достоевский Ф. М. (1988) Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. Т. 30, кн. 1. Письма, 1878-1881. Л., Наука. Ленинградское отделение. 455 с.
Любимов Д. Н. (1990) Из воспоминаний (Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году). В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М., Художественная литература, с. 406–419.
Мюллер Л. (2000) Политическое завещание Достоевского. Достоевский о назначении России. По речи о Пушкине 8 июня 1880 <1997>. В кн.: Понять Россию. Историко-культурные исследования. М., с. 272–284.
Тарасов Ф. Б. (2001) Речь о Пушкине Ф. М. Достоевского. Между тройкой и колесницей. В кн.: Евангельский текст. Петрозаводск, Вып. 3, с. 399–419.
Успенский Г. И. (1953) Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 6. М., Издательство АН СССР, с. 407–430.
Успенский Г. И. (1990) Праздник Пушкина (Письма из Москвы – июнь 1880) В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 2. М., Художественная литература, с. 392–405.
Фокин П. Е., Петрова А. В. (2020) «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля). В кн.: Неизвестный Достоевский. № 2, с. 162–188.

Фридлендер Г. М. (1981) Речь о Пушкине как выражение эстетического сознания Достоевского. Русская литература, № 1, с. 13–22.
Щенников Г. К., Акелькина Е. А. (2008) А. Пушкин (очерк). В кн.: Достоевский: Сочинения, письма, документы: словарь-справочник, сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., Пушкинский Дом, с. 247–250.

References

Akel'kina E. A. (2001) Hudozhestvenno-filosofskaya priroda avtorskogo soznaniya v rechi o Pushkine F. M. Dostoevskogo – osnova obshchekul'turnogo sinteza [Artistic and philosophical nature of the author's consciousness in the speech about Pushkin F.M. Dostoevsky - the basis of general cultural synthesis]. Slavic Readings. Issue. 7–8: Dedicated to Russia and Pushkin: materials of scientific and practical. conf. Omsk, pp. 12–15 (In Russian).
Dostoevsky F. M. (1982) Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 30 t. T. 24. Dnevnik pisatelya za 1876 god. Noyabr'–dekabr' [Complete Works and Letters. In 30 vols. T. 24. Writer's diary for 1876. November–December]. Leningrad, Publ. Nauka, 518 p. (In Russian).
Dostoevsky F. M. (1984) Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 30 t. T. 26. Dnevnik pisatelya, 1877, sentyabr'–dekabr' – 1880, avgust [Complete Works and Letters. In 30 vols. T. 26. Writer's diary, 1877, September–December – 1880, August], Publ. Nauka. Leningrad, 518 p. (In Russian).
Dostoevsky F. M. (1988) Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 30 t. T. 30, kn. 1. Pis'ma, 1878-1881 [Complete Works and Letters. In 30 t. T. 30, book. 1. Letters, 1878–1881] Publ. Nauka, Leningrad, 455 p. (In Russian)
Dostoevsky F.M. (1975) Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 30 t. T. 14. Brat'ya Karamazovy: Roman v 4 ch. s epilogom. Kn. 1–10 [Complete Works and Letters. In 30 vols. Vol. 14. The Brothers Karamazov: A novel at 4 o'clock with an epilogue. Book 1–10]. Leningrad, publ. Nauka, 510 p. (In Russian).
Fokin P.E., Petrova A.V. (2020) "Pushkinskaya rech'" F. M. Dostoevskogo kak sobytie (po materialam rukopisnogo fonda Gosudarstvennogo muzeya istorii rossijskoj literatury im. V.I. Dalya) ["Pushkin speech" F.M. Dostoevsky as an event (based on the materials of the manuscript collection of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl)]. Unknown Dostoevsky, no. 2, pp. 162–188 (In Russian).
Fridlender G.M. (1981) Rech' o Pushkine kak vyrazhenie esteticheskogo soznaniya Dostoevskogo [Speech about Pushkin as an expression of Dostoevsky's aesthetic consciousness]. Russian Literature, no. 1, pp. 13–22 (In Russian).
Lyubimov D. N. (1990) Iz vospominanij (Rech' F. M. Dostoevskogo na Pushkinskih torzhestvah v Moskve v 1880 godu) [From the memories (Speech by F. M. Dostoevsky at the Pushkin celebrations in Moscow in 1880)]. In the book: F. M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries. Vol. 2. Moscow, Hudozhestvennaya literatura publ., pp. 406–419 (In Russian).
Myuller L. (2000) Politicheskoe zaveshchanie Dostoevskogo. Dostoevskij o naznachenii Rossii. Po rechi o Pushkine 8 iyunya 1880 <1997>[Dostoyevsky's political testament. Dostoevsky on the appointment of Russia. According to the speech about Pushkin on June 8, 1880 <1997>]. Understanding Russia. Historical and cultural research. Moscow, pp. 272–284 (In Russian).
Shchennikov G.K., Akel'kina E. (2008) A. Pushkin (ocherk) [A. Pushkin (feature)]. Dostoevsky: Works, letters, documents: a dictionary-reference book, Publ. Pushkinskij Dom, pp. 247–250 (In Russian).
Tarasov F. B. (2001) Rech' o Pushkine F. M. Dostoevskogo. Mezhdu trojkoj i kolesnicej [Speech about Pushkin by F. M. Dostoevsky. Between the troika and the chariot]. Gospel text. Petrozavodsk, Vol. 3, pp. 399–419 (In Russian).
Uspenskij G. I. (1953) Polnoe sobranie sochinenij. V 14 t. 6 [Complete Works. In 14 vols. Vol. 6] Moscow, Publ. AN SSSR, pp. 407–430 (In Russian).
Uspenskij G.I. (1990) Prazdnik Pushkina (Pis'ma iz Moskvy – iyun' 1880) [Pushkin's Holiday (Letters from Moscow – June 1880)]. F. M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Hudozhestvennaya literatura publ., pp. 392–405 (In Russian).
Viktorovich V. A. (2019) Zagadka Pushkinskoj rechi [The mystery of Pushkin's speech]. In the book: Dostoevsky, a writer who looked into the abyss. Moscow, pp. 333–365 (In Russian).
Viktorovich V. A. (2021) Dialektika hudozhestvennoj mysli (Pushkinskie rechi F. M. Dostoevskogo i A. A. Bloka) [Dialectics of artistic thought (Pushkin speeches by F. M. Dostoevsky and A.A. Blok)]. Philosophical Forms in Culture. Omsk, OmGA Publ. House, pp. 101–112 (In Russian).
Viktorovich V.A. (2020). "Pushkinskaya rech'" Dostoevskogo v svidetel'stvah sovremennikov ["Pushkin's speech" of Dostoevsky in the testimonies of contemporaries]. Unknown Dostoevsky, no. 4, pp. 48–69 (In Russian).
Volgin I. (2010) Poslednij god Dostoevskogo: istoricheskie zapiski [Dostoevsky's Last Year: Historical Notes]. 4th ed., rev. and additional, Moscow, Publ. AST, Zebra E, 736 p. (In Russian).
Volgin I. L. (1980) Zaveshchanie Dostoevskogo [Testament of Dostoevsky]. QuestionsofLiterature, no. 6, pp. 154–196 (In Russian).

Информация об авторе

Квашина Людмила Павловна
Кандидат филологических наук, Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная республика.
ORCID iD: 0000-0002-2109-0629.
E-mail: l.kvashina@donnu.ru

Autor's information

Lyudmila P. Kvashina
Cand. Sc. (Philol.), Donetsk National University, Donetsk, Donetsk People's Republic.
ORCID iD: 0000-0002-2109-0629.
E-mail: l.kvashina@donnu.ru